

6. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 160. Л. 5-8об.
7. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 160. Л. 5-5об.
8. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 160. Л. 17.
9. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 159. Л. 1-37.
10. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 160. Л. 30-37.
11. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 160. Л.30
12. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 160 Л.31
13. ГАИО. Ф. 587. Оп. 1. Д. 17 Л. 45-46
14. ГАИО. Ф. 587. Оп. 1. Д. 17 Л. 84-85
15. НАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 447 Л.23-35об.
16. НАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 447 Л. 36-41об.
17. НАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 416. Л. 1-39об.
18. НАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 416. Л.1об.
19. НАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 416. Л.2.
20. НАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 415. Л. 17-18.
21. НАРБ. 478. Оп. 1. Д. 2. Л. 105-106. Л. 11-13.130; Д. 3. Л. 63-68; Д. 4. Л. 25-29.
22. НАРБ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2. Л. 196-202.
23. НАРБ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2. Л .205
24. НАРБ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2. Л .1-6об.
25. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 176. Л. 2
26. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 176. Л. 22
27. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 176. Л. 84об-93.
28. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 176. Л. 34-35.
29. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 176. Л. 59-60
30. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 176. Л. 61об-63
31. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 176. Л. 76-77
32. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2850. Л. 1-2об.

УДК 271.2-86:325.1(5-015)(091)

doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-130-136

© А. А. Стороженко

Конфессиональные миграции старообрядцев как канал межкультурного взаимодействия в Центральной Азии в XIX – начале XX в.*

В статье рассмотрены механизмы и основные направления миграционных маршрутов старообрядцев-беспоповцев в Центральной Азии в XIX – начале XX в. Обозначены особенности внутри-региональной миграции старообрядцев на территории современной Тувы. Определены конфессиональные предпочтения в местах вселения старообрядцев в Усинско-Урянхайском крае. Показана взаимосвязь религиозных и социально-экономических мотивов конфессиональных миграций.

Ключевые слова: миграция, конфессия, старообрядчество, Центральная Азия, межкультурное взаимодействие, христианство, религия, культура, миссия, «древнее благочестие», легенда о Беловодье, Белогорье, Тува, уймонцы.

---

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-01-00453

Confessional migration of Old Believers as a source of intercultural exchange in Central Asia in XIX – beginning of XX centuries

The article examines the mechanisms and the main directions of migration routes of Old Believers-"priestless" in Central Asia in the XIXth-early XXth centuries. The peculiarities of intraregional migration of Old Believers at the territory of modern Tuva have been marked. Denominational preferences in settlements of Old Believers in Usinsk-Uryanhay region have been defined. The interrelation of religious and socio-economic motives of confessional migrations have been examined.

Keywords: migration, confession, Old Believers, Central Asia, intercultural interaction, Christianity, religion, culture, mission, "old piety", the legend of Belovodie, Belogorie, Tuva, Uymon Old Believers.

Конфессиональная миграция старообрядцев в XIX – начале XX в. была частью общего миграционного потока населения как европейской части Российской империи, так сибирских старожилов, направленного в слабоосвоенные районы юга Сибири. Будучи продиктована комплексом мотивов как религиозного, так и социально-экономического плана, она являлась естественным каналом межкультурного взаимодействия, особенности которого проистекали из своеобразия этнокультурного и конфессионального ландшафта Центральной Азии. Это была территория, на которой в непосредственном взаимодействии сталкивалось несколько горизонтов: коренное, преимущественно кочевое, и пришлое, преимущественно оседло-земледельческое, население; христианство, буддизм и шаманизм; монголо-тюркский и славянский мир. Это приводило к возникновению неисчислимого количества вариантов возможного взаимодействия. Возникали новые черты в культуре, менялась религия, язык, хозяйство на основе новой, стационарной поселенческой структуры.

Следует согласиться с Е. Е. Дутчак, которая утверждает, что конфессиональная миграция есть движение, преследующее не просто духовные цели. Она связана с представлениями о важности выполняемой миссии, в случае со староверием – миссии спасения «древлего благочестия» [6, с. 26]. В конце XIX – начале XX в. легенда теряет свою основную функцию и постепенно становится историческим преданием [17, с. 300].

Единичные поселения старообрядцев, оседавших отдельными группами в долинах рек Селенги, Онона, Орхона, Тэса, в Центральной Азии, появляются уже в XVIII в. Они занимались земледелием, скотоводством и охотой, различными видами ремесла [19, с. 44-45; 15, с. 4]. Совершенно очевидно, что одновременно с общим миграционным процессом происходил выбор наиболее предпочтительных мест обитания, идеальные представления о которых у старообрядцев напрямую были связаны с легендой о Беловодье. Тот факт, что территория Тувы входила, по крайней мере, уже в XIX в., в район, где сибирские старообрядцы искали легендарное Беловодье, подтверждается обнаруженными в архивах Алтайского края и детально исследованными Т. С. Мамсик материалами судебных дел того времени о побегах за границу разных категорий алтайских крестьян. Она утверждает, что к середине 1820-х гг. для жителей Бухтар-

минской долины Алтая, значительное количество которых принадлежало к «старой вере», создались предпосылки для массовых переселений [11, с. 13]. Начавшись в середине третьего десятилетия XIX в. попыткой разведки в Хемчикскую степь с целью увода туда большой группы заводских крестьян, они продолжались на протяжении всего 19-го столетия. По мнению Т. С. Мамсик, это был «один из ранних беловодских маршрутов», который «вел в определенный географический район: «на вершины Енисея», точнее на Хемчик (нынешняя Тува)» [9, с. 143]. Поисками Беловодья были охвачены не только сибирские старообрядцы. Легенда о Беловодье имела общерусский характер и распространение, особенно она была популярна среди старообрядцев-беспоповцев.

В своем стремлении к периферии района русской колонизации алтайские старообрядцы зачастую руководствовались религиозными мотивами эсхатологической направленности, нашедшими свое выражение в беловодской легенде. При этом религиозные идеи служили лишь формальным предлогом, «оболочкой» для побегов, причинами которых являлись объективные социально-экономические условия [10, с. 187]. Под влиянием реальной действительности в старообрядческой среде юга Сибири эта легенда претерпела некоторые изменения. Беловодье трансформировалось в Белогорье, под которым, скорее всего, подразумевалась территория современной Тувы [12, с. 101]. «За мое пребывание в Южном Алтае, – писал Е. Ф. Шмурло, – мне не раз приходилось слышать о существовании на р. Кемчуге (р. Кемчик – левый приток Енисея – Улухема), в земле сойотов, русских деревень, устроившихся на полном приволье; замечу, что, по рассказам из двух деревень в одной насчитывается 100, а в другой даже 200 дворов. Я не имел возможности проверить указанные цифр, одно несомненно: русское население горного Алтая находится в постоянных сношениях с новыми засельщиками берегов Кемчуга» [18, с. 24]. Таким образом, территория Тувы стала одним из объектов поиска «страны обетованной».

Старообрядцы, в частности уймонские каменщики, были первыми русскими переселенцами, проникшими в Туву в 1850-1860-х гг. в поисках Белогорья [7, с. 177; 13, с. 578]. Вместе с ними в этом процессе принимали участие и православные. Их объединяла не религия, а стремление избавиться от горнозаводских работ и повинностей [7, с. 99]. На это указывает и Т. С. Мамсик, рассматривая побег на малодоступную территорию как форму антифеодального протеста, который «сочетался с поиском таких форм коллективного крестьянского общежития, которые, не стесняя свободы хозяйствования, обеспечили бы для крестьянина безопасность личности и собственности» [10, с. 113].

Е. Ф. Шмурло дал в целом верную характеристику процессу поисков Беловодья: «Через все XIX столетие проходит неустанное искание этого фантастического Эльдорадо, где реки текут медом, где не собирают подати, где, наконец специально для раскольников не существует никоновской церкви. Беловодье – географический пункт, не отличающийся ни определенностью, ни устойчивостью. Оно вообще там, где хорошо живется... Но вообще его надо искать возможно дальше... Где она, эта сокровенная земля – точно, разумеется, никто никогда определить не мог. Основывались на слухах, на фактических предположениях, на кривотолках. То это Беловодье на верховьях Енисея или на оз. Олене-

гуре, то на какой-то реке Карше, в стране Турпанской, то где-то около Кобдо» [18, с. 16]. Подобная подвижность месторасположения Беловодья и тенденция к смещению его в более южные районы по сравнению с уже освоенными территориями укладывалась в рамки общего миграционного процесса и обеспечивала его непрерывность.

Роль искателей Беловодья в процессе освоения территории Усинско-Урянхайского края в XIX–XX вв. имела выдающееся значение. В отечественной исторической литературе еще со времен Ф.Я. Кона наиболее изученным оказался путь проникновения на территорию Тувы из Усинского пограничного округа и Минусинского уезда Енисейской губернии. В то же время существовал иной, более ранний миграционный маршрут, которым пользовались алтайские крестьяне для переселения на территорию современной Тувы, а также для торгового обмена. В 70-х годах XIX в. торговля с китайцами бийских купцов, алтайских и минусинских инородцев, а также крестьян велась не только в Кош-Агаче, но и на оз. Кара-Холь и р. Алаш, недалеко от пограничного знака Шабин-Дабага [14, с. 353]. Этот маршрут менее изучен, несмотря на то, что часть его известна еще с XIX в. как Чуйский тракт – торговый путь, соединявший русский г. Бийск и монгольский г. Кобдо.

Первые русские сведения о Чуйском тракте относятся к 1788 году, когда торговцы по Чуйской вьючной тропе возили свои товары на ярмарку в верховья реки Чуи [16, с. 13]. В условиях развивавшихся торговых контактов территория современной западной Тувы и Горного Алтая использовалась интенсивно. Она изучалась, торговцы находились в постоянном поиске удобных маршрутов. Например, бийские купцы предпочитали маршрут из сойотской земли к берегам Телецкого озера через красивую, теплую и глубокую долину р. Алаш с удобным перевалом [12, с. 100]. Впервые воспользовавшись Чуйским трактом еще в 20-х гг. XIX в., они продолжали самовольно переселяться по нему в Туву, по крайней мере, до 20-х гг. XX в.

Трудно однозначно утверждать, что практика старообрядческих переселений в Центральную Азию в XIX в. была исключительно конфессиональной по своему характеру. Необходимость воспроизводства хозяйственной системы заставляла старообрядцев одновременно искать пригодные для жизни места. Несмотря на активные перемещения, старообрядцам закрепиться в заграничном Урянхайском крае было очень непросто. Одна из первых попыток старообрядцев поселиться на территории современной Тувы произошла в 1862 г., когда «десять семейств уймонских раскольников вышли в Улукемскую степь и обосновались на р. Уюк» [4, с. 534]. Считается, что они желали заняться земледелием, скотоводством и торговлей [3, с. 5]. Трудно выдвинуть достоверную версию причин выселения старообрядцев в том же 1862 г. – это могло быть распоряжение землемера, сопротивление местного коренного населения или конфессиональные мотивы. Скорее всего, каждый из этих факторов повлиял по-своему. Это засвидетельствовано в статистических сведениях подворного обследования русского населения в Урянхае в 1916-1917 гг. Житель д. Владимировка Подхребтинского района Бочкарев Михаил Сергеевич, предположительно 1850-1851 года рождения, выходец из д. Горбуновой Уймонской волости, был свидетелем событий 60-

х годов XIX в. По его словам, на Усу и Уюке уймонские переселенцы жили 6 лет, а когда они выехали, то местные жители сожгли не только их дома, но и амбар Веселкова. «Потом взыскали 500 быков за всех. Приезжал князь из Петербурга» [20, с. 39-40]. Действительно, для выяснения обстоятельств ограбления в 1867 г. одного из первых торговцев в Урянхае Веселкова прибыл чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири кн. Апакидзе. Был не только возмещен ущерб Веселкову, но и другие русские торговцы стали проявлять большую активность в Урянхае.

Очевидно, часть уймонских старообрядцев обосновалась в Усинской долине, а часть вернулась на Алтай. Во многом исход дела решила позиция русских властей, которые еще не были готовы начинать тяжбу о законности русских поселений на такой спорной территории, как Урянхай. На этом этапе миграционного движения старообрядцам не удалось закрепиться в Урянхае, но «эта неудача не остановила поступательного движения русского крестьянства на юг, и там, за Саяном, сперва негласно, затем уже с ведома русских пограничных властей стали возникать одни за другими русские заимки и поселения» [4, с. 536]. До того как был определен статус Урянхая, «вопросы бегства и миграции через границу были в числе важнейших в системе российско-китайских пограничных отношений» [5, с. 165]. По мнению Ф. Я. Кона, «даже такие крутые меры, как сожжение целого поселка, не могло остановить волны переселения русских крестьян за рубежи» [8, с. 28].

Уймонцы и вообще большинство алтайских старообрядцев предпочитали селиться в Подхребтинском районе. Отчасти это объясняется тем, что районы более ранней колонизации – Малоенисейский и Турано-Уюкский, страдали перенаселенностью и недостатком земли и угодий. Алтайские старообрядцы составляли абсолютное большинство в Сосновке, Владимировке, Максимовке, Маймазыне (Кудрявцевский). Иностранцы Уймонской инородческой управы были основным переселенческим контингентом с Алтая. Например, в пос. Сосновка были сосредоточены выходцы только из Томской губернии и значительная часть ранее проживала в с. Уймон, а также в д. Горбуновой и д. Абайской Уймонской волости. Далее следуют Усть-Коксинская волость и село, Смоленская, Сентелекская, Катандинская, Айская и другие волости Томской губернии [21, с. 245-247]. Больше половины старообрядцев пос. Мокеевка Малоенисейского района и абсолютное большинство пос. Карагашенского Тоджинского района также были выходцами с Алтая.

Начиная с 1880 г., можно проследить уровень миграционной активности старообрядцев. В общем переселенческом потоке отчетливо выделяются несколько этапов. Первый – с 1880 по 1900 г., когда количество переселившихся за весь период составило 42 семьи. В течение второго периода с 1901 по 1910 г. начинается неуклонный рост и только в 1910 г. переселяется 97 семей. Третий период (1911–1921) характеризуется дальнейшим общим увеличением семей новоселов, но с явным спадом в 1914–1916 гг. Например, в 1915 г. переселилось всего 48 семей, что соответствует уровню предшествующего этапа 1908–1909 гг. Но в 1917–1918 гг. наблюдается резкий подъем количества переселенцев, что приводит к увеличению за эти два года сразу на 380 семей. Но после принятия в 1918 г.

решения о запрещении дальнейшего переселения в Урянхай русских новоселов в 1919 и 1920 гг. зафиксировано всего по 73 семьи каждый год.

По содержанию первый миграционный этап можно охарактеризовать как стихийный по своему характеру. Считается, что в этот период факторы «выталкивания», т. е. преследования со стороны царской администрации действовали для староверов сильнее, чем факторы притяжения [1, с. 63]. В последующем к вольнонародному переселению присоединяется государственное регулирование и постепенно, с третьего периода, начинает доминировать. Нельзя сказать, что весь миграционный обмен как внешний, так и внутренний, находился под контролем государства. Но органы государственной власти стремились внести некоторую организованность в вопросы принятия новых жителей. Переселение русских в Туву вступило в этап правительственного патернализма [1, с. 64]. Но современные старообрядцы говорят о том, что переселиться по-прежнему можно было совершенно свободно ввиду отсутствия границ. В течение четвертого этапа – 1917–1921 гг. под напором требований с тувинской стороны не раз принимались решения ограничить и даже запретить въезд новых переселенцев. Это повлияло на миграционную активность, изменились мотивационные установки. Результатом стало объективное уменьшение количества переселенцев и снижение удельного веса старообрядцев в общей массе на фоне прежней привлекательности Тувы как места обитания.

Стремление найти уединенное место для свободного отправления богослужения сочеталось с необходимостью обеспечить условия для воспроизводства хозяйственной системы. Возникает проблема соотношения идеологической составляющей миграционной активности и практическими хозяйственными соображениями. Мотивация переселений была сложным комплексом причин как религиозного, так и социально-экономического характера. Мощным побудительным мотивом переселений, кроме стремления обрести свободу вероисповедания, были необходимость создания крепкого хозяйства, желание уйти от земельной тесноты в местах прежнего оседания. Это определяло также и особенности внутрирегиональной миграции. Стремление жить со своими единоверцами обусловило образование специфических населенных пунктов: с преимущественно православным населением, старообрядческим и смешанным. Отличительной чертой внутримиграционного движения старообрядцев по мере расширения влияния государства являлось их стремление поселиться в более недоступных местах и образовать моноконфессиональные образования. Такими стали поселения так называемого Верховья – верховьев Малого Енисея и частично в Тандинском районе.

Старообрядцы не стали преобладающей категорией населения, но их огромный вклад как первопроходцев в дело хозяйственного освоения бесспорен. Последователям «старой веры» удалось образовать локальные, почти автономные поселения. Еще В. В. Андреев писал: «...раскол, гонимый из центра России на русские окраины и за русские пределы, всюду прививал русскую народность и содействовал как обрусению окраин государства, так и приобретению Россией новых областей» [2, с. 6].

Литература

1. Анайбан З. В. Межнациональные отношения в Туве в 90-е годы XX века. – М., 1999.
2. Андреев В. В. Раскол и его значение в народной русской жизни. Исторический очерк. – Петербург, 1870.
3. Африканов А. М. Русская торговля в Урянхайской земле // Известия ВСОИРГО. – Т. XXI, № 5. – Иркутск, 1890.
4. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Т. III, вып. 2. – Л.: Изд-ние ГРГО, 1930.
5. Дацышен В. Г. Очерки истории российско-китайских отношений во второй половине XIX – начале XX в. – Кызыл: Республиканская типография, 2000.
6. Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XX в.) / под ред. В. В. Керова. – Томск: Изд-во ТГУ, 2007.
7. Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700-1860 годах. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния АН СССР, 1963.
8. Кон Ф. Я. Усинский край // Зап. Красноярского подотдела ИРГО. зап. по географии. – Т. II, вып. I. – Красноярск, 1914.
9. Мамсик Т. С. Беловодцы и Беловодье (по материалам следственного дела о побеге 1827-1828 гг.) // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (археография и источниковедение Сибири). – Новосибирск: Наука, 1982.
10. Мамсик Т. С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40-90-е годы XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1978.
11. Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромысловой структуры. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.
12. Ошурков В. А. Отчет о поездке, совершенной летом 1902 года в Западные Саяны и Западную часть хребта Танну-оола // Зап. Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Т. I, вып. I. – СПб., 1906.
13. Принтц А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Зап. РГО по общей географии. – Т. I. – СПб., 1867.
14. Радлов В. В. Торговые сношения России с западной Монголией и их будущность // Зап. РГО по отд. статистики. – Т. II. – СПб., 1871.
15. Русские народные песни в Туве / сост. М. П. Татаринцева. – Кызыл: Новости Тувы, 1993.
16. Табаев Д. И. Из истории строительства Чуйского тракта // УЗ Горно-Алтайского НИИЯЛ. 1969. Вып. VIII.
17. Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
18. Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Зап. ЗСОИРГО. – Омск, 1898. – Кн. 25.
19. Ядринцев Н. М. Раскольничьи общины на границе Китая // Сибирский сборник. Кн. 1. – СПб., 1886.
20. Центральный государственный архив Республики Тыва. Ф. 123. Оп. 2. Д. 212. Л. 39-40об.
21. Центральный государственный архив Республики Тыва. Ф. 123. Оп. 2. Д. 4. Л. 245-247.